

18+

Василий Попков

ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
БУКВА

Василий Попков

Тридцать шестая буква

«Издательские решения»

Попков В.

Тридцать шестая буква / В. Попков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694586-9

Что скрывают пожелтевшие страницы старой церковной книги, за которыми охотятся убийцы? Тайные письма Екатерины II могут перевернуть историю — или стоять жизни любому, кто их прочтет. Бывший следователь Никодим, сосланный в монастырь, втянут в смертельную гонку: от дворцовых заговоров Петербурга до раскольничьих скитов Волги. Спустя два века книга возвращается в Москву — чтобы последний потомок Никодима ответил на главный вопрос: что делать с правдой, которая слишком опасна?

ISBN 978-5-00-694586-9

© Попков В.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ. Тридцать шестая буква	6
ГЛАВА 1. Следствие окончено, забудьте	10
ГЛАВА 2. Императорский след	23
ГЛАВА 3. Гатчинский призрак	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тридцать шестая буква

Василий Попков

© Василий Попков, 2026

ISBN 978-5-0069-4586-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ. Тридцать шестая буква

Царское Село, октябрь 1796 года

Осень в этом году выдалась на удивление че долгой и прозрачной. Листья в Екатерининском парке уже облетели, и деревья стояли голые, черные, точно обугленные свечи, но земля еще не промерзла, и по утрам над прудами поднимался густой, молочный туман. Императрица любила эту пору – время увядания, чистоты и покоя, когда двор перебирался в город, а в Царском Селе оставалась лишь она да самые преданные, самые тихие слуги, чье присутствие почти не ощущалось.

В последние недели Екатерина Алексеевна чувствовала небывалый прилив сил, словно природа, обманывая самое себя, дарила ей вторую молодость перед неизбежным концом. Она работала по десять часов в сутки, приводя в порядок бумаги, диктуя мемуары и перечитывая «Наказ» – свое главное детище, плод многолетних размышлений о природе власти и устройстве государства. Бумаги громоздились на столах в Камероновой галерее, и Зимний ветер, задувавший в высокие окна, шевелил края исписанных убористым почерком листов, словно перелистывал страницы огромной, недописанной книги ее жизни.

В то утро, семнадцатого октября, курьер из Синода доставил тяжелый сверток, перевязанный бечевой и сургучными печатями. Императрица собственноручно вскрыла его, отбросив помощь дежурного камердинера. Внутри, переложённые чистыми листами плотной бумаги, покоились два тома в цельнокожаных переплетах темно-вишневого цвета, с золотым тиснением на корешках.

«Кормчая книга. Часть первая и вторая в едином предложении».

Екатерина провела ладонью по крышке переплета. Кожа была прохладной и гладкой, как полированный мрамор. Она открыла первый том наугад. Перед ней предстал титульный лист, набранный старым, торжественным шрифтом, а за ним – заставка с затейливым растительным орнаментом, черной и красной киноварью. Инициалы, ломбарды, концовки – все было исполнено с той суровой, почти монашеской красотой, которую она ценила в старых книгах.

Это был не просто свод законов. Это был скелет Империи. Правила святых апостолов, постановления вселенских соборов, узаконения греческих царей – все то, на чем веками стояло православие, а с ним и русское самодержавие. Книга, которую Синод отпечатал по ее же благословению девять лет назад, в год начала великой войны с турками, теперь вернулась к ней в виде этого роскошного, возможно, единственного в своем роде экземпляра.

Она медленно перелистывала страницы, вчитываясь в знакомые строки. Вот правила Василия Великого о покаянии. Вот градские законы, определяющие наказания за прелюбодеяние и воровство. Все четко, все разложено по полкам. Духовная власть и власть светская – две руки, управляющие телом России. Но мысль ее, живая, острая, никогда не удовлетворявшаяся готовыми ответами, уже скользила дальше, между строк.

Она взглянула в окно. Вдалеке, за прудом, в сером небе чертили круги галки. Скоро зима. Скоро конец. Она чувствовала это не сердцем – умом. Семьдесят лет – возраст, в котором даже боги удаляются на покой. Сын, Павел, – чужой, обидчивый, взвинченный, с его гатчин-

скими манерами и прусской муштрой. Внуки – Александр и Константин. Александр – красавец, умница, но мягок, слишком мягок, скользок, как угорь. Он будет улыбаться всем, а в итоге поступит так, как велит ему трусость или советчик. Константин – груб, горяч, весь в отца. Страшно оставлять им Россию.

Страшно оставлять этот огромный, сложный механизм, который она двадцать пять лет налаживала, смазывала, чинила, порой ломая собственные пальцы.

Она вновь опустила взгляд на раскрытую «Кормчую». И вдруг мысль, уже несколько дней бродившая где-то на границе сознания, оформилась в четкое, почти физически осязаемое решение.

Она напишет им.

Не сыну, не внукам – нет. Им она наговорила достаточно при жизни, они все равно не слышали. Она напишет тем, кто придет потом. Может быть, через пятьдесят лет, может быть, через сто. Когда империя снова окажется на распутье. Когда запутаются в законах и догматах. Когда забудут, что власть – это не только право наказывать, но и обязанность думать.

Она заперла дверь кабинета изнутри на ключ, чего не делала никогда. Подошла к потайному шкафчику в стене, где хранились ее личные чернильницы, бумаги, сургуч. На нижней полке, в простой дубовой шкатулке, стояло несколько пузырьков темного стекла.

Алхимия. В молодости, под влиянием переписки с Вольтером и Дидро, она увлекалась опытами с симпатическими чернилами. Французские энциклопедисты обожали тайны. Ей тогда казалось это забавной игрой. Сок лимона, разбавленное молоко, квасцы – написанное исчезало, стоило бумаге высохнуть, и появлялось вновь при нагревании. Потом, в годы войны с Пугачевым и турецкими интригами, это умение стало не игрой, а необходимостью. Были письма, которые никто не должен был прочесть случайно.

Она выбрала самый маленький флакон. Внутри была бесцветная, чуть маслянистая жидкость без запаха – особый состав, рецепт которого ей когда-то передал граф Безбородко, знавший толк в секретной переписке. Такие чернила не оставляли следа на бумаге, не меняли ее фактуру, но стоило поднести лист к огню или просто теплomu воздуху от камина – и строки проступали, ровные, четкие, будто написанные обычными чернилами, только чуть более бледные.

Она села в кресло у окна, положила перед собой первый том «Кормчей». Длинная, сухая, еще не знавшая старческой дрожи рука открыла книгу на тридцать шестом листе. Она не была суеверна, но число это казалось ей символичным. Тридцать пять букв в русской азбуке. Полнота, завершение и начало одновременно.

Тридцать шестая буква – «и» с двумя точками сверху. Когда-то давно, в древности, она означала особый звук, который потом исчез из языка, но буква осталась, как призрак, как напоминание об ушедшей гармонии, и про ее использование и теперь ведутся споры. Ее записи и будут такой буквой – тайным знаком для посвященных, для тех, кто сумеет прочесть между строк.

Перо, тонкое, остро отточенное, обмакнулось в бесцветную жидкость.

Она начала писать прямо на полях, втискивая строчки между каноническими правилами и комментариями синодальных редакторов. Буквы ложились легко, почти невидимо, чуть влажнея на шероховатой бумаге.

«Сие пишу не для печати, но для разума потомков. Когда вы прочтете это, меня уже не будет. Не верьте тем, кто скажет, что самодержавие не имеет пределов. Всякая власть имеет предел, положенный ей Богом, совестью и здравым смыслом...»

Она писала о том, что церковь не должна быть служанкой трона, но и трон не должен душировать церковь. О том, что законы должны быть едины для всех, от последнего крестьянина до первого вельможи. О том, что крепостное право – это язва, которая сгноит Россию изнутри, если не найти способа избавиться от нее без кровопролития. О том, что наследник должен быть достоин трона не по крови, а по уму, и что пора бы уже задуматься о том, как передавать власть не от отца к сыну, а от способного к способному.

Мысли, которые она шептала своим приближенным вполголоса в доверительные минуты. Мысли, которые боялась доверить даже «Наказу» – официальному документу. Мысли, за которые в иные времена сжигали на кострах.

Перо скрипело, страницы переворачивались. Она писала быстро, словно боялась не успеть. Императрица, привыкшая диктовать, а не писать сама, сейчас работала как переписчица в монастырском скриптории – согнувшись, близко поднося глаза к бумаге, не замечая, как за окном темнеет, как гаснет день и в комнату вползают сиреневые октябрьские сумерки.

Она исписала поля доброй половины первого тома. Потом открыла второй. Здесь, среди «Правил отец и греческих царей узаконений», она позволила себе быть еще более откровенной. Она писала о своих страхах, о своих ошибках, о том, как тяжело быть женщиной на троне среди волков в мундирах и лисиц в рясах.

Она писала о Павле: «Не по злобе, а по глупости он способен натворить бед. Бойтесь глупцов у власти больше, чем злодеев. Злодей знает, что творит зло, и иногда может остановиться. Глупец же уверен, что творит добро, и не остановится никогда».

Она писала об Александре: «Любит всех, значит, не любит никого. Будет вечно колебаться, и в этом его слабость и опасность. Сильный союзник сломает его, хитрый враг обведет вокруг пальца. Научитесь обходиться без героев – учитесь обходиться законом».

Когда за окном совсем стемнело и в парке зажгли редкие фонари, она отложила перо. Рука ныла, глаза слезились. Перед ней лежала «Кормчая книга», внешне ничем не отличавшаяся от любого другого экземпляра синодального издания 1787 года. Только тот, кто знал тайну, кто догадался бы поднести страницы к огню, увидел бы на полях этот плотный, нервный, летящий почерк.

Она назвала этот труд «Тридцать шестая буква». Тайная буква алфавита, скрытая в тексте закона.

В ту ночь ей не спалось. Она встала с постели, накинула шаль и прошла босыми ногами по холодному паркету к столу, где оставила книгу. Взяла ее в руки, прижала к груди. Потом,

словно приняв окончательное решение, подошла к стене, где висел портрет Петра Великого в тяжелой золоченой раме. Нажала потайную пружину в резной розетке – портрет бесшумно отошел в сторону, открывая нишу в стене. Там, за маленькой дверцей, хранились самые важные бумаги.

Она положила книгу в нишу, задвинула дверцу. Портрет встал на место.

Екатерина постояла минуту, глядя на суровый лик своего великого предшественника. Тот смотрел на нее с полотна сверлящим, немигающим взглядом, словно спрашивал: «Не рано ли? Не зря ли? Кому ты оставляешь это?»

– А тебе не все равно? – тихо, почти беззвучно, одними губами, спросила она у портрета. – Ты свое отцарствовал.

Она вернулась в постель и уснула тяжелым, без сновидений, сном.

Через три недели, в ночь с 5 на 6 ноября 1796 года, императрицу Екатерину Алексеевну хватил удар. Она упала в тесном гардеробном чулане, не добравшись до постели. Два дня она еще боролась со смертью, не приходя в сознание, а 6 ноября в десять часов вечера ее сердце остановилось.

В суматохе первых дней нового царствования, когда Павел I, вступив на престол, метался по дворцу, уничтожая следы материнского присутствия, приказывая перетрясти все шкафы, все тайники в поисках компрометирующих бумаг, – о книге, спрятанной в стене за портретом Петра, никто не вспомнил.

Она осталась ждать.

Тридцать пять букв русского алфавита молчали. Тридцать шестая, тайная, ждала своего часа во тьме, между каноническими правилами святых апостолов и узаконениями греческих царей.

ГЛАВА 1. Следствие окончено, забудьте *Новгород, Юрьев монастырь, декабрь 1825 года*

Зима в тот год пришла рано и свирепо. Уже в середине ноября Волхов встал, скованный синими ломтями льда, а на монастырские стены ветер намел такие сугробы, что братия с трудом открывала двери келий. К декабрю морозы окрепли настолько, что птицы падали на лету замертво, и келарь велел собирать их, чтобы варить похлебку для нищих, толпившихся у ворот.

Бывший надворный советник, а ныне простой монах под именем Никодим (в миру – Николай Александрович Сперанский), таких холодов не боялся. Он родился в Сибири, в Тобольске, и тридцатиградусный мороз казался ему благодатью по сравнению с сыростью петербургских казарм. Потому в то утро, когда вся братия жалась к печам, он надел ветхий подрысник, накинул поверх рваную шубейку, подаренную ему монастырским служкой, и вышел во двор.

Было еще темно. Над куполами Георгиевского собора висела крупная, холодная звезда. Где-то за Волховом, в городе, брехали собаки. Никодим любил этот час – время между заутреней и ранней обедней, когда монастырь еще спит, когда можно побыть одному и подумать.

Он думал всегда. Это было его проклятие – ум, острый, как хирургический скальпель, не знающий покоя ни днем, ни ночью. За этот ум его и сослали. Слишком хорошо умел он читать не только древние манускрипты, но и людские души, слишком точно видел он несоответствия между словом и делом, между церковным законом и его исполнением. В Синодальной канцелярии, где он служил следователем по особо важным делам, такие качества ценились, пока не коснулись слишком высоких особ.

История вышла грязная и темная. Дело о растратах в одном из столичных монастырей, которое вел Сперанский, неожиданно уперлось в келейника митрополита. Сперанский не отступил, докопался до истины, но истина оказалась такова, что ее пришлось спрятать под сукно, а самого следователя – убрать с глаз долой. Высочайшим повелением (говорят, сам государь Александр Павлович, узнав о деле, поморщился и махнул рукой: «Уберите этого правдолюбца, чтоб глаза мои его не видели») Сперанский был лишен чинов и отправлен в Юрьев монастырь «на вечное покаяние». Без права переписки, без права выхода за стены.

Шел уже четвертый год.

Никодим (имя ему выбрал настоятель, архимандрит Фотий, известный своей суровостью и ненавистью ко всему светскому) давно смирился. Он читал монастырскую библиотеку, одну из богатейших в России, помогал разбирать древние рукописи и потихоньку, тайком от начальства, вел свой дневник, куда записывал мысли о прочитанном. Он знал, что эти записи никогда не увидят свет, но не писать не мог. Бумага была единственным собеседником, который не перечил и не лицемерил.

В то утро он дошел до монастырского кладбища, где под тяжелыми плитами покоились новгородские посадники и архиепископы, и остановился, глядя на заиндевевшие кресты. Мысли его были далеко – он вспоминал одно из последних дел, которое вел перед ссылкой.

Дело о подложном завещании. Там тоже была книга, старинная, с закладками, на полях которой кто-то оставил пометы. Пометы те стоили жизни трем человекам...

Скрип снега за спиной заставил его обернуться.

К нему бежал, проваливаясь в сугробы, послушник Алексей – парень лет двадцати, простоватый, но добрый, приставленный к Никодиму «для пригляда». Начальство не доверяло ссыльному и велело следить за каждым его шагом, но Алексей давно махнул на это рукой и больше походил на услужливого денщика, чем на надзирателя.

– Отец Никодим! – кричал он еще издали, размахивая руками. – Там это... к вам!

Никодим поморщился. К нему никто не приезжал. За четыре года – никто ни разу. Родные, если и были, не смели писать, а друзья давно забыли дорогу.

– Кто? – спросил он коротко.

– Не знаю, – Алексей подбежал, тяжело дыша, изо рта валил пар. – Одежда не наша, городская. Шуба богатая, соболья, я таких и не видал. С отцом настоятелем разговаривал, а теперь к вам просится. Велено вас вести.

Никодим поправил на плече рваную шубу, усмехнулся.

– Что ж, веди, коли велено.

— —

Гость ждал его не в келье (там и сесть негде), а в небольшой трапезной, которую зимой не топили, чтобы братия не собиралась без дела. Но сегодня там, видимо, по распоряжению настоятеля, затопили печь, и в помещении было тепло, даже душновато после мороза.

Гость оказался молод, лет двадцати пяти, не больше. Высокий, сухощавый, с бледным лицом и умными, но какими-то затравленными глазами. Одет действительно богато – шуба на соболях, при шпаге, но без мундира, в штатском платье. При виде Никодима он встал и поклонился с излишней, на взгляд бывшего следователя, поспешностью.

– Вы – господин Сперанский? – спросил он голосом, в котором дрожала плохо скрываемая нервозность.

– Монах Никодим, – поправил его Никодим, не протягивая руки. – Господин Сперанский умер четыре года назад. С кем имею честь?

Молодой человек оглянулся на дверь, словно боялся, что их подслушивают. Потом шагнул ближе и заговорил вполголоса:

– Меня зовут Александр Христофорович... Впрочем, имя сейчас не важно. Важно другое. Я прибыл к вам по поручению одного лица, которое очень хочет, чтобы вы оказали нам помощь.

Никодим усмехнулся.

– Помощь? Здесь? Я, батюшка, теперь только дрова колю да псалмы пою. Никакой другой пользы от меня не дождетесь.

– Дождемся, – уверенно сказал молодой человек. – Если захотите. Дело касается убийства.

Никодим почувствовал, как внутри что-то дрогнуло. Старая, привычная струна, которая много лет звучала в нем при слове «дело». Он подавил это движение, заставил себя остаться равнодушным.

– Убийство? – переспросил он. – В Новгороде? Так у вас есть полиция, есть губернатор, в конце концов. Что вам делать в монастыре?

– Убийство не в Новгороде. В Петербурге. И полиция там есть, – молодой человек говорил теперь быстро, горячо, словно боялся, что его прервут. – Но дело это особое. Такое, что полиции не доверишь. И следователям нашим не доверишь. Тут нужен человек, который знает... книги. Церковные, старые. Отец Фотий сказал нам, что вы лучший знаток церковного книгопечатания во всей России. Что вы еще в миру составили описание Синодальной библиотеки и что равных вам нет.

– Отец Фотий слишком добр ко мне, – сухо ответил Никодим. – Я действительно когда-то занимался книгами. Но сейчас у меня другие заботы. И потом, я здесь на положении заключенного. Мне запрещено не только выезжать, но и переписываться. Чем я могу помочь?

Молодой человек шагнул еще ближе, понизил голос до шепота:

– Я имею полномочия от... от одного высокопоставленного лица, которое может на время следствия облегчить вашу участь. Вас не выпустят из монастыря, нет, но вам разрешат принимать посетителей, вести переписку, получать книги и документы. Если вы согласитесь давать нам советы и консультации. Тайно, разумеется. Никто не узнает. Официально вы будете просто помогать отцу Фотию разбирать монастырское собрание, а на деле...

– На деле я буду работать на вас, – закончил Никодим. – На кого – на вас?

Молодой человек замялся, но потом, видимо, решился:

– На Бенкендорфа.

Никодим присвистнул сквозь зубы. Это имя было ему знакомо. Генерал-адъютант, приближенный к императору, человек с огромным влиянием и, поговаривали, с огромными амбициями. Но что могло понадобиться такому лицу от ссыльного монаха?

– Садитесь, – сказал Никодим, указывая на лавку. – И рассказывайте толком. Кто убит, когда и при каких обстоятельствах. И при чем тут книги.

Молодой человек сел, снял шапку, провел рукой по влажным от пота волосам. Видно было, что он очень волнуется, но старается держаться.

– Убит... – начал он и запнулся. – Убит Иван Гаврилович Буслаев.

Никодим нахмурился, вспоминая.

– Буслаев? Антиквар? Собиратель древностей?

– Он самый. Вы знали его?

– Знал. По старой памяти. Мы встречались несколько раз в Петербурге, когда я работал в Синоде. Он помогал мне с атрибуцией одной рукописи. Человек умнейший, но себе на уме. С ним трудно было, но интересно. И его убили?

– Восьмого декабря. Нашли в его собственном доме, на Васильевском острове. Сидел в кресле, с перерезанным горлом. Убийца не оставил следов, если не считать одной... странности.

– Какой?

Молодой человек полез за пазуху, вытащил кожаный бумажник, развязал тесемки и осторожно, двумя пальцами, извлек маленький, с ноготь величиной, кусочек бумаги. Протянул Никодиму.

– Вот. Это нашли в кулаке убитого. Он сжимал это в правой руке.

Никодим взял бумажку, поднес к глазам. Это был обрывок чего-то явно старого, пожелтевшего, с неровными краями. На одной стороне виднелся фрагмент печатного орнамента – часть заставки или, скорее, ломбарда, крупного инициала. Рисунок был сложный, растительный, с элементами, напоминающими старопечатные книги XVII века. Никодим долго рассматривал, потом перевернул. На обороте – ничего, чистая бумага, но фактура... Он потер край пальцем, понюхал.

– Бумага ручного литья, – сказал он задумчиво. – Довольно старая, но не слишком. Водяных знаков не видно, кусок мал. Печать... Это не наборный орнамент, это гравировка. Видите линии? Такие ломбарды резали на дереве и печатали отдельно. По стилю – вторая половина XVIII века. Но...

Он замолчал, продолжая рассматривать.

– Что – но? – нетерпеливо спросил молодой человек.

– Но для книги того времени это слишком грубо, – сказал Никодим. – В екатерининскую эпоху печатное дело в Синодальной типографии достигло высокого совершенства. Заставки и инициалы были изящными, четкими. А здесь линия дрожит, кое-где завалена краска, видно, что доска старая, стертая. Такое могло быть в книге, напечатанной с досок, которые использовали много раз, еще при Петре или даже при Алексее Михайловиче. Но бумага... бумага не та. Для петровских книг бумага была плотнее, грубее. Эта тоньше, но с характерным желтоватым оттенком. Знаете, что это мне напоминает?

– Что?

– Пробные оттиски. Когда типографщики проверяли старые доски, они иногда делали оттиски на новой бумаге, чтобы посмотреть, как выглядит рисунок. Но зачем вырывать такой оттиск из книги? Или, скорее, вырезать его из целого листа? Кусок слишком мал, чтобы понять, был ли это отдельный лист с пробными оттисками или часть книги.

Никодим отдал обрывок обратно.

– Больше ничего не нашли? – спросил он.

– Почти ничего. Комната была перерыта. Кто-то явно что-то искал. Шкафы открыты, книги на полу, но, странное дело, ничего не пропало. Деньги, серебро, иконы – все на месте. Только книги переворошили. Многие вынуты из шкафов, разложены на столе, на полу. Создавалось впечатление, что искали что-то конкретное, может быть, даже не книгу, а закладку, листок, письмо. Но ничего похожего не нашли. Кроме этого обрывка, зажатого в руке убитого.

– И полиция решила, что это связано с книгами?

– Полиция решила, что это ограбление, которое не удалось. Может быть, воры спугнули. Дело передали квартальному, тот составил протокол и... забыл. Слишком много сейчас других забот, сами знаете.

Никодим знал. Декабрь 1825 года был временем смуты. Двадцатипятилетнее царствование Александра I только что прервалось его смертью в Таганроге. В Петербурге шла борьба за престол между Константином и Николаем, народ не понимал, кто царь, войска приводили к присяге то одному, то другому. Было не до убитого антиквара.

– Так почему же ваше высокопоставленное лицо заинтересовалось этим делом? – спросил Никодим прямо.

Молодой человек оглянулся на дверь, потом полез в другой карман и достал сложенный лист бумаги.

– Вот что нашли в столе убитого. Тайник, очень хитрый, в подлокотнике кресла. Когда тело выносили, кресло уронили, и подлокотник отвалился, а там – это. Записка.

Никодим взял лист, развернул. Бумага была плотная, с вензелем, почерк – мелкий, бисерный, явно писал человек образованный, но в спешке или в волнении.

«Если со мной что случится, ищите Кормчую. Ч.1—2 в одном переплете. Синод, 1787. Там, где ломбарды, там и правда. Это завещание матери. Берегитесь тех, кто носит крест наоборот. Буслаев».

Никодим перечитал дважды, потом поднял глаза на молодого человека.

– Что значит «завещание матери»?

– Не знаем. Но само название книги... Кормчая. Это же свод церковных законов?

– Не только. Это основа русского права. Канонического, церковного. Но в ней есть и гражданские законы – из византийских источников. Кормчая книга много раз издавалась. Издание 1787 года – синодальное, довольно распространенное, хотя и не массовое. Но Буслаев пишет про какой-то конкретный экземпляр. «Ч.1—2 в одном переплете». Обычно их переплетали отдельно, но иногда заказчики просили соединить оба тома в один. Роскошный переплет, кожа, золотое тиснение. Такие экземпляры делали для высоких особ.

– Для императрицы? – быстро спросил молодой человек.

Никодим усмехнулся.

– Вы тоже об этом подумали? «Завещание матери»... Убитый антиквар, который интересовался XVIII веком... Екатерина Великая умерла в 1796 году. Оставила ли она завещание? Официально – да, но его содержание известно. А тут речь о каком-то другом, тайном, спрятанном в книге. В Кормчей.

– Вы знали Буслаева, – сказал молодой человек. – Он мог рассказать вам об этом?

– Никогда. Мы не были настолько близки. Но я знаю его коллекцию. У него были уникальные вещи. Если он напал на след такого экземпляра, он мог за это поплатиться. Вопрос – кто охотится за этой книгой? И зачем?

Никодим встал, прошелся по трапезной. Мысли лихорадочно работали, перебирая варианты. Четыре года затвора не притупили его аналитических способностей.

– Этот обрывок, – сказал он, останавливаясь. – Ломбард. Вы говорите, на месте убийства нашли только это?

– Да. И записку в тайнике.

– Странно. Если убийца искал книгу, почему он не взял закладку? Или она выпала из книги, когда ее вырывали из рук Буслаева? Но тогда книга должна была быть рядом. А ее нет. Значит, либо убийца книгу забрал, либо Буслаев успел ее спрятать. Но тогда зачем он держал в кулаке эту бумажку? Как улику? Как знак?

Никодим подошел к окну, за которым белела снежная муть.

– У меня к вам вопрос, – сказал он, не оборачиваясь. – Почему вы приехали ко мне? Кто надомил?

Молодой человек помялся.

– Генерал Бенкендорф... Он слышал о вас от графа Аракчеева. Граф упомянул, что в свое время вы блестяще раскрыли дело о подложных духовных грамотах. И что вы знаток именно церковных документов. Генерал решил, что вы могли бы помочь.

– Аракчеев? – Никодим резко обернулся. – Этот человек меня и стгноил в монастыре. Его стараниями я здесь. И теперь он меня вспомнил?

– Граф при делах не состоит, – поспешно сказал молодой человек. – Это просто случайное упоминание в разговоре. Генерал Бенкендорф действует по своей инициативе.

– Инициатива, – хмыкнул Никодим. – В такое время? Когда в столице неспокойно, когда неизвестно, кто будет императором, Бенкендорфу есть дело до убитого антиквара и какой-то старой книги?

Он пристально посмотрел на молодого человека. Тот отвел глаза.

– Хорошо, – сказал Никодим после долгой паузы. – Допустим, я соглашусь вам помогать. Что я получу взамен? Обещание свободы? Но я знаю цену таким обещаниям. Стоит мне найти эту книгу, и меня либо убьют, либо оставят здесь до конца дней.

– Генерал готов подписать бумагу, что вы сотрудничаете с ним по его личному поручению, – быстро сказал молодой человек. – Эта бумага будет храниться в надежном месте. Если вы выполните задание, вас помилуют. Генерал имеет влияние на будущего императора.

– На будущего? – переспросил Никодим. – А вы уже знаете, кто будет императором?

Молодой человек смешался.

– Я... я ничего не знаю. Но генерал уверен, что порядок будет восстановлен.

Никодим усмехнулся.

– Ладно. Бумаги мне вашей не надо. Я помогу вам, потому что... потому что мне надоело колоть дрова. И потому что Иван Гаврилович Буслаев был, в общем-то, неплохим человеком. Я хочу знать, кто его убил.

Он снова подошел к столу, взял обрывок закладки.

– Это оставьте мне. И записку перепишите. А оригинал пусть хранит у себя ваш генерал. Мне нужны подробности: кто видел Буслаева в последние дни, с кем он встречался, какие письма получал. Сможете достать?

– Постараюсь.

– И еще. Узнайте, не продавал ли Буслаев недавно какие-нибудь книги или, наоборот, не покупал ли что-то редкое. Особенно из эпохи Екатерины. И проверьте его переписку с букинистами. Может, он наводил справки о Кормчей 1787 года.

Молодой человек кивал, запоминая.

– Мне нужно будет как-то с вами связываться, – сказал он.

– Приезжайте. Отец Фотий получил, видимо, инструкции. Скажете, что вы мой племянник, привезли гостинцы. Алексея, послушника, можете подкупить – он не продаст, но за доброе слово и медный грош душу отдаст. Через него и передавайте письма.

Они еще поговорили с полчаса, обмениваясь предположениями, но больше Никодим слушал, задавал наводящие вопросы. Молодой человек рассказал, что в доме Буслаева, кроме книг, была большая коллекция гравюр и икон, и что никто из домашних ничего не видел и не слышал – убийство произошло днем, когда слуги отлучились по делам. Дверь была не взломана, значит, Буслаев сам впустил убийцу.

– Круг подозреваемых узок, – сказал Никодим. – Кого он мог впустить? Только знакомых, причем таких, кому доверял. Среди букинистов, коллекционеров, может быть, священников. Ищите среди них.

Когда молодой человек уехал, Никодим долго сидел в трапезной один, глядя на огонь в печи. Он держал в руках обрывок закладки и думал о том, что ломбард – это не просто украшение. В старых книгах каждый элемент имел значение. И если Буслаев зажал в кулаке именно этот кусочек, значит, он хотел что-то сказать. Может быть, указать на книгу, из которой он вырвал этот лист. Но книга исчезла.

Он поднес бумажку к огню, поворачивая так и этак. Орнамент был растительный, но в центре, если приглядеться, можно было разглядеть что-то похожее на крест, но не прямой, а косой, андреевский. Или это игра теней?

Никодим вспомнил последние слова записки: «Берегитесь тех, кто носит крест наоборот». Что это значило? Какие-то сектанты? Или масонский знак? Масоны носили разные символы, но крест наоборот... Он слышал о раскольниках, которые почитали старые обряды, но у них крест был восьмиконечный, правильный. А тут – наоборот. Может быть, перевернутый крест – символ апостола Петра, распятого вниз головой. Но в православии это редкость.

За окном совсем рассвело, но солнца не было, только серое, тяжелое небо, обещающее новый снегопад. Никодим поднялся, сунул обрывок за пазуху и вышел из трапезной.

На паперти собора он столкнулся с отцом Фотием. Настоятель стоял, кутаясь в роскошную лисью шубу (не чета никому, иночество не мешало ему любить комфорт), и смотрел на Никодима тяжелым, немигающим взглядом.

– Беседовал с гостем? – спросил он, не здороваясь.

– Беседовал, отче.

– Знаю, зачем приезжал. Не мое дело. Мне велено тебя не держать, если что. Но смотри, Никодим. Не наделай глупостей. Здесь ты под защитой Бога и монастырских стен. А там – мир. А мир лежит во зле.

– Я знаю, отче, – сказал Никодим. – Но зло иногда нужно знать в лицо.

Фотий хмыкнул, поправил шубу и пошел к себе, не оглядываясь.

А Никодим остался стоять на паперти, глядя на серое небо. В руке он сжимал обрывок закладки, и края бумаги больно врезались в ладонь.

Где-то там, в Петербурге, лежало тело человека, которого он знал. Где-то там, в неизвестности, бродил убийца. И где-то там, может быть в чьих-то руках, была книга – Кормчая, часть первая и вторая в одном переплете, издание Синодальной типографии 1787 года. Книга, в которой, по словам убитого, спрятано «завещание матери».

Что за мать? Императрица? Или церковь? Или сама Россия?

Никодим вздохнул и пошел в свою келью, готовиться к долгой и, возможно, опасной работе. Четыре года покоя кончились.

— —

Прошло три дня. Никодим почти не выходил из кельи, перебирая в памяти все, что знал о Кормчих книгах и их изданиях. Он написал длинное письмо своему знакомому в Петербург, бывшему сослуживцу, который теперь служил в Публичной библиотеке, с просьбой навести справки об экземплярах синодального издания 1787 года, особенно тех, что были переплетены в один том. Письмо ушло с оказией, но ответа ждать предстояло долго.

Алексий приносил ему еду и новости. Новости были тревожные. В Петербурге произошло восстание, стреляли на Сенатской площади, новый император Николай Павлович жестоко подавил бунт. Многие арестованы, говорят, будут казни. В городе неспокойно, войска патрулируют улицы.

Никодим слушал и мрачнел. В такое время искать убийцу антиквара? Кому это нужно? Но, с другой стороны, именно в такое время легче всего заметить следы. Если убийца связан с теми, кто сейчас вершит судьбы империи, он может уйти от ответа навсегда.

На четвертый день, под вечер, когда уже стемнело и метель завывала за стенами, в келью постучали. Никодим открыл – на пороге стоял Алексий, а за ним – фигура в тулупе, с заиндевевшей бородой.

– К вам это, – сказал Алексий. – Говорит, из города, от племянника.

Фигура вошла, отряхнулась. Это был немолодой уже мужчина, лет сорока, с простым, крестьянским лицом, но одетый в хороший, городской тулуп. Он поклонился Никодиму и, не говоря ни слова, вытащил из-за пазухи сверток, перевязанный бечевкой.

– Велено передать в собственные руки, – сказал он глухо. – От Александра Христофоровича.

Никодим взял сверток, развязал. Внутри была папка с бумагами и письмо. Он пробежал письмо глазами: молодой человек писал, что собрал все сведения, какие смог, и что генерал Бенкендорф очень ждет результатов. Еще он сообщал, что в доме Буслаева были найдены еще несколько странных предметов – старые гравюры с изображением каких-то соборов, но полиция не придала им значения.

Никодим отложил письмо и открыл папку. Там были протоколы допросов слуг, список гостей, посещавших Буслаева в последнюю неделю, опись его коллекции. Никодим углубился в чтение, забыв о посыльном. Тот потоптался, кашлянул.

– Мне ответ надо? – спросил он.

– А? – Никодим поднял голову. – Нет, ответа не надо. Скажи, что я принял и благодарю. И передай на словах: пусть Александр Христофорович поищет в бумагах Буслаева упоминания о книгопродавце из Москвы, некто Селивановский. Я помню, Буслаев с ним переписывался. Может, что-то найдется.

Посыльный ушел, а Никодим до поздней ночи изучал бумаги. Среди гостей Буслаева значились несколько известных коллекционеров, два священника (один из них – протоиерей из Казанского собора) и один странный человек, названный в показаниях дворника как «немец в длинном сюртуке». Немец приходил дважды, в день убийства тоже был, но ушел за час до того, как обнаружили тело. Дворник запомнил его, потому что немец дал ему рубль на чай. Описание: высокий, худой, с рыжими бакенбардами, говорит по-русски с акцентом.

Никодим отложил это описание. Немец – возможно, приезжий ученый или букинист. Но что ему понадобилось у Буслаева? И почему он ушел перед самым убийством? Надо бы узнать, кто этот немец.

Дальше в папке лежали выписки из писем Буслаева. Одно из последних, отправленное за неделю до смерти, было адресовано в Москву, Селивановскому. В нем Буслаев спрашивал о книге: «Нет ли у вас сведений о судьбе экземпляра Кормчей 1787 года, принадлежавшего некогда высокой особе? Я имею основания полагать, что книга эта содержит важные маргиналии, которые могут пролить свет на некоторые обстоятельства конца прошлого века». Ответ Селивановского не сохранился, но на черновике письма Буслаева была пометка карандашом: «Спросить у П. о ломбардах».

Кто такой «П.»? Никодим задумался. Может быть, какой-то букинист? Или коллекционер? Или это инициал? Он перелистал бумаги, но больше ничего не нашел.

Тогда он снова взял обрывок закладки и долго рассматривал его при свете свечи. Ломбард – это крупная буква или орнамент в начале текста. Обычно их печатали с досок, и каждый ломбард был уникален для своего издания. Если удастся определить, из какой именно книги этот фрагмент, можно выйти на след.

Никодим достал свою записную книжку, где у него были зарисовки орнаментов из разных изданий. Он сравнивал, но ничего похожего не находил. Этот рисунок был ему незнаком. Значит, книга редкая, может быть, даже уникальная. Или это не из печатной книги, а из рукописной? Но на обрывке явно печатный орнамент.

Он лег спать далеко за полночь, но сон был тревожный. Ему снилась Кормчая книга, которая летала по комнате, а на полу лежал Буслаев с перерезанным горлом и держал в руке обрывок закладки. Когда Никодим подошел, чтобы забрать бумажку, мертвец открыл глаза и сказал: «Тридцать шестая буква. Ищи тридцать шестую букву».

Никодим проснулся в холодном поту. За окнами выла метель. Он сел на кровати и повторил про себя: «Тридцать шестая буква». В русском алфавите тридцать пять букв. Но что это значит? Может быть, тридцать шестая страница? Или тридцать шестой псалом? Или какой-то шифр?

Он вспомнил, что в некоторых старых книгах ломбарды имели не только декоративное, но и символическое значение. Ими могли обозначать начало важных разделов. Если книга принадлежала Екатерине, она могла выбрать для своих записей определенные места.

Утром, едва рассвело, Никодим пошел в монастырскую библиотеку. Там, в отделе редких книг, хранилось несколько экземпляров Кормчих разных изданий. Он попросил у библиотекаря (старого монаха, который относился к нему с уважением) разрешения поработать с ними. Тот не возражал.

Никодим просидел в библиотеке до вечера, сличая орнаменты. Он нашел несколько изданий – 1653 года, 1787 года (обычный, двухтомный экземпляр) и даже 1816 года. Но ни в одном из них не было такого ломбарда, как на обрывке. Рисунки были похожи, но линии – другие, композиция – иная. Тот ломбард был архаичнее, грубее. Он явно происходил из более старой книги, но напечатан на бумаге конца XVIII века.

Значит, это мог быть оттиск с доски, которая использовалась еще в допетровское время. Такие доски иногда сохранялись в типографиях, и их могли использовать для украшения позднейших изданий, чтобы сэкономить на резьбе новых. Но в синодальных изданиях 1787 года, насколько знал Никодим, использовались новые, изящные заставки, выполненные в стиле классицизма. А этот ломбард был явно старого, «московского» рисунка, с тяжелыми травами и причудливыми переплетениями.

Он закрыл последнюю книгу и откинулся на спинку стула. Глаза слипались, в голове шумело. Но одна мысль не давала покоя: если этот ломбард не из синодального издания 1787 года, то откуда он? Может быть, Буслаев ошибся? Или «Кормчая» в его записке означала не конкретное издание, а вообще Кормчую книгу, а 1787 год – это что-то другое?

Он вспомнил, что в 1787 году Екатерина совершила знаменитое путешествие в Тавриду. Может быть, книга связана с этим? Или с какими-то событиями того года?

В библиотеке уже зажигали свечи, когда Никодим наконец вышел. Он шел по темному коридору, и вдруг его окликнул голос отца Фотия:

– Никодим! Зайди ко мне.

Настоятель сидел в своих покоях, обитых дорогими обоями, перед ним на столе горела лампада. Он указал Никодиму на стул.

– Садись. Говорят, ты целый день в библиотеке просидел. Книги ищешь?

– Ищу, отче.

– Те самые, из-за которых тот человек приезжал?

Никодим промолчал.

Фотий вздохнул, погладил бороду.

– Я не спрашиваю, что за дело. Не моего ума. Но хочу предупредить. Осторожнее будь. Не все книги – от Бога. Некоторые – от лукавого. И люди, которые за ними охотятся, тоже.

– Я знаю, отче.

– Знаешь ли? – Фотий пристально посмотрел на него. – Ты вот книги изучаешь, а того не ведаешь, что в монастыре у нас беспокойно. Третьего дня брат Арсений видел у ограды какого-то человека. Стоял, смотрел на кельи, а как Арсений подошел, ушел. Вчера опять видели. Не из наших, не из деревни. Чужой.

Никодим насторожился.

– Кто бы это мог быть?

– А ты не догадываешься? – Фотий усмехнулся. – После того как к тебе приезжал гость из столицы, за монастырем стали наблюдать. Берегись, Никодим. Твое дело может быть опаснее, чем ты думаешь.

Никодим вышел от настоятеля в глубокой задумчивости. Значит, за ним следят? Или за монастырем? Кому это нужно? Может быть, убийца Буслаева узнал, что его ищут, и решил проследить, куда ведут нити? Или это люди Бенкендорфа страхуют его?

Он вернулся в келью, запер дверь и при свете сальной свечи снова разложил бумаги. Теперь нужно было действовать быстрее. Если за ним следят, значит, время на исходе.

Он взял чистый лист и написал письмо Александру Христофоровичу, коротко изложив свои соображения о ломбарде и просьбу проверить всех, кто мог иметь доступ к старым типографским доскам, особенно в Синодальной типографии. А еще – найти того немца с рыжими бакенбардами.

Письмо он спрятал за образ, который висел в углу. Завтра передаст с Алексием.

Но наутро Алексей не пришел. Никодим прождал его до обеда, потом пошел искать. В келье послушника было пусто, постель не смята, словно он и не ложился. Никодим встревожился, пошел к настоятелю. Фотий нахмурился и велел обыскать монастырь.

Алексия нашли в снегу, за оградой, у старой монастырской стены. Он лежал лицом вниз, в крови. Кто-то ударил его по голове тяжелым предметом, может быть, обухом топора. Послушник был еще жив, но без сознания. Его внесли в больничную келью, монах-лекарь промыл рану и сказал, что, если Бог даст, выживет, но пока не говорит.

Никодим стоял у постели и смотрел на бледное лицо Алексия. В руке у послушника был зажат клочок бумаги – такой же, как тот, что он передавал вчера. На этот раз на бумаге был не ломбард, а всего лишь несколько букв, выведенных дрожащей рукой: «С... ий... р...»

Может быть, «Синод»? Или «Сибирский»? Или имя?

Никодим спрятал бумажку и вышел. Теперь он точно знал: кто-то следит за ним, кто-то хочет помешать расследованию. И этот кто-то не остановится перед убийством.

Надо было решаться. Оставаться в монастыре, ждать, пока придет новый курьер, – значит подвергать опасности других. Алексей едва не погиб из-за него. Надо было самому ехать в Петербург, но как? Он ссыльный, ему нельзя покидать монастырь.

И тут его осенило. Он вспомнил о письме Бенкендорфа, где говорилось, что он может рассчитывать на помощь. Если это не пустые слова, то генерал должен обеспечить ему безопасность и возможность действовать.

Никодим вернулся в келью, достал из-за образа письмо, которое написал вчера, и добавил постскриптум: «На меня напали. Послушник ранен. Нужна защита и разрешение выехать в Петербург. Иначе следствие остановится».

Он запечатал письмо и пошел к отцу Фотию просить, чтобы то самое письмо отправили с надежным человеком в город, к тому же молодому чиновнику. Фотий, узнав о нападении на Алексея, только покачал головой и велел одному из доверенных служек немедленно ехать.

Остаток дня Никодим просидел в келье, не зажигая огня, и смотрел в темноту. Где-то в Петербурге лежало тело Буслаева, где-то пряталась книга с тайными письменами императрицы, и где-то бродил убийца, который теперь вышел на его след.

За окном выла метель, заметая следы.

ГЛАВА 2. Императорский след

Юрьев монастырь, декабрь 1825 года

Метель утихла лишь к утру, оставив после себя сугробы, подступившие к самым окнам монастырских келий. Никодим не спал всю ночь – сидел у остывшей печи, вслушиваясь в вой ветра и шаги за дверью. Ему казалось, что каждую минуту могут ворваться, схватить, утащить в темноту, как Алексия. Но никто не пришел. Монастырь спал тревожным сном, изредка вздрагивая от порывов ветра, сотрясавших ставни.

Под утро он задремал, сидя на лавке, и проснулся от громкого стука в дверь. Рука машинально потянулась к кочерге, единственному оружию, которое было в келье. Но голос за дверью оказался знакомым – молодой, взволнованный:

– Отец Никодим! Открывайте! Это я, Александр Христофорович!

Никодим отодвинул засов. На пороге стоял вчерашний гость, но в каком виде! Шуба его была залеплена снегом, лицо раскраснелось от мороза, а в глазах горело такое возбуждение, что Никодим сразу понял – случилось что-то важное.

– Входите, – сказал он коротко. – Что стряслось? Почему вы сами, а не посыльный?

Молодой человек шагнул внутрь, стряхивая снег с воротника, и тут же заговорил, почти задыхаясь:

– Я получил ваше письмо. То, где вы просили защиты и разрешения выехать. Генерал Бенкендорф велел мне ехать немедленно и передать вам вот это.

Он вытащил из-за пазухи запечатанный конверт с сургучной печатью. Никодим сломал печать, развернул бумагу. Это было официальное предписание за подписью генерал-адъютанта Бенкендорфа, разрешающее монаху Никодиму (в миру Николаю Александровичу Сперанскому) временно оставить Юрьев монастырь для выполнения особого поручения по ведомству, «не терпящего отлагательства». Документ был скреплен печатью и выглядел весьма внушительно.

– Этого достаточно, – сказал Никодим, пряча бумагу за пазуху. – Но почему такая спешка?

– Потому что я привез вам кое-что еще, – Александр Христофорович оглянулся на дверь и понизил голос. – То, что нашли в доме Буслаева при повторном обыске. Генерал приказал обыскать все заново, тайно, не привлекая полицию. И вот что обнаружилось.

Он снял с плеча кожаную сумку, которую носил под шубой, и выложил на стол перед Никодимом несколько предметов: старую, потрепанную тетрадь в кожаном переплете, стопку писем, перевязанных ленточкой, и небольшую деревянную шкатулку.

– Это из тайника, – пояснил молодой человек. – Второго тайника, о котором не знала полиция. Буслаев устроил его в полу, под половицей, в своей спальне. Мы нашли случайно –

один из слуг показал, что покойный иногда по ночам возился в том углу. Мы подняли доску, а там – это.

Никодим уже не слушал. Он открыл тетрадь и погрузился в чтение. Это был дневник Буслаева, который тот вел многие годы. Записи были краткими, часто зашифрованными, но для опытного глаза многое становилось ясным.

– Взгляните, – сказал Никодим, указывая на одну из записей, датированную сентябрем 1796 года. – «Был у С. Видел книгу. Та самая, о которой говорил старец. Вензель Е. на переплете. Сомнений нет – из опочивальни. Дорого, очень дорого, но С. не продает. Хранит как зеницу ока».

Александр Христофорович заглянул через плечо.

– Что это значит? Какой С.? И при чем здесь опочивальня?

– Подождите, – Никодим перелистывал дальше. – Вот еще, 1801 год, после смерти Павла. «С. умер. Наследники распродают его собрание. Удалось договориться с племянником. Книга моя. Теперь главное – расшифровать. Но без ключа не обойтись. Нужно искать у староверов».

Никодим откинулся на спинку лавки, глядя на молодого человека горящими глазами.

– Вы понимаете? Он нашел эту книгу еще в 1801 году! И владел ею двадцать четыре года! Но тогда где же она сейчас? Почему ее нет в его коллекции?

– Может быть, продал? – предположил Александр Христофорович.

– Не похоже. Судя по дневнику, эта книга была главным сокровищем его жизни. Он не продал бы ее. Скорее спрятал. И тот, кто его убил, искал именно ее. Но не нашел, потому что Буслаев успел ее перепрятать.

Никодим встал и заходил по тесной келье.

– Нам нужно понять, что это за книга. Откуда она взялась. Кто такой этот «С.», у которого Буслаев ее купил. И что за ключ ему нужен был у староверов.

Он снова сел за стол и принялся внимательно изучать дневник, перелистывая страницу за страницей. Александр Христофорович терпеливо ждал, изредка поглядывая на замерзшее окно.

– Вот! – воскликнул Никодим через полчаса. – Запись 1803 года. «Был в Москве, встретился с П. Тот подтвердил: книга действительно из библиотеки императрицы. После ее смерти все ее бумаги и книги были опечатаны Павлом Петровичем. Но этот экземпляр куда-то исчез. П. полагает, что его успела вынести камер-фрау перед самым приездом Павла. Передала кому-то из доверенных лиц. И этот кто-то – С.».

– Камер-фрау? – переспросил молодой человек. – Кто это?

– Приближенная служанка императрицы, – пояснил Никодим. – Их было несколько. Одна из них, Мария Саввишна Перекусихина, была особенно близка к Екатерине. Говорят, императрица доверяла ей самые сокровенные тайны. Если кто и мог вынести книгу из опочивальни в те часы, когда императрица лежала в агонии, а Павел еще не успел опечатать комнаты, то только она.

– Но зачем ей это?

– Затем, что книга могла содержать что-то важное. Что-то, что императрица хотела сохранить от сына. Мы знаем, что Павел ненавидел все, что было связано с матерью. Он уничтожал ее бумаги, приказывал замуровывать ее комнаты. Если бы он нашел эту книгу с пометками, он бы ее сжег не глядя. А Перекусихина, преданная слуга, могла спасти ее, передав в надежные руки.

Никодим замолчал, обдумывая эту мысль.

– Нам нужно узнать, кто был этот С., – сказал он наконец. – Судя по дневнику, он был коллекционером, причем богатым, раз владел такой редкостью. И умер он около 1801 года. Если мы найдем его имя, мы поймем, где искать книгу дальше.

– Но как? – спросил Александр Христофорович. – Дневник полон шифров и сокращений. Здесь десятки разных С.

– Да, но есть одна зацепка, – Никодим перелистнул несколько страниц назад. – Вот запись 1796 года: «С. живет в Гатчине. Странно, что именно там. Но, видно, так угодно провидению».

– Гатчина? – молодой человек нахмурился. – Но Гатчина была резиденцией Павла Петровича до воцарения. Там жил его двор. Кто из коллекционеров мог жить в Гатчине?

– Вот это нам и предстоит выяснить, – сказал Никодим. – Но есть еще одна вещь.

Он взял в руки деревянную шкатулку, которую привез Александр Христофорович. Шкатулка была старая, потемневшая от времени, с затейливой резьбой. На крышке был вырезан крест – не обычный, восьмиконечный, с косой перекладиной внизу.

– Видите? – сказал Никодим, указывая на крест. – Это не простой крест. Это голгофский крест старообрядцев. Такие обычно ставят на старообрядческих книгах и иконах.

Он открыл шкатулку. Внутри, на бархатной подкладке, лежали несколько мелких предметов: медный складень, кусочек ладана, пожелтевшая фотография (дагерротип?) и – самое главное – небольшой листок бумаги, на котором была изображена точно такая же заставка-ломбард, как та, что нашли в руке убитого.

Никодим бережно взял листок и поднес к свету. Это был не обрывок, как тот, а целый лист, но явно вырванный из какой-то книги. На обороте виднелся фрагмент текста, написанного от руки, старым полууставом.

– Это из какого-то старообрядческого сборника, – сказал он. – Смотрите, почерк – поморский, XVII век. Но лист бумаги – гораздо более поздний, примерно екатерининского времени.

Значит, это копия? Или, скорее, заготовка для книги, которую делали старообрядцы в своих мастерских.

Он долго рассматривал рисунок, потом вдруг замер.

– Боже мой, – прошептал он. – Я идиот. Как я сразу не понял!

– Что? – встрепенулся Александр Христофорович.

– Этот ломбард! – Никодим ткнул пальцем в рисунок. – Это не просто орнамент. Это тайнопись! Смотрите, как переплетаются линии, как расположены листья и завитки. Это же почти как вязь, только не буквенная, а символическая. У старообрядцев были свои тайные знаки, по которым они опознавали друг друга и обозначали принадлежность к той или иной общине. И этот ломбард – один из таких знаков. Он принадлежит какой-то конкретной старообрядческой общине!

Александр Христофорович смотрел на него с недоумением.

– Но при чем здесь убийство? И при чем здесь книга?

– При том, – Никодим в волнении заходил по келье, – что Буслаев был не просто коллекционером. Он был старообрядцем. Тайным. И этот ломбард – знак его общины. А книга, которую он искал, – она тоже когда-то принадлежала старообрядцам. Или, по крайней мере, прошла через их руки.

Он остановился перед молодым человеком.

– Помните, в записке Буслаева говорилось: «Берегитесь тех, кто носит крест наоборот»? Я думал, это метафора. А это, возможно, прямое указание. Старообрядцы дониконовского времени крестились двумя перстами, а не тремя. Для официальной церкви это было «крест наоборот», ересь. Может быть, Буслаев предупреждал именно об этом – об опасности со стороны людей, связанных со старообрядчеством.

– Но если он сам был старообрядцем, зачем ему предупреждать об опасности от своих же? – спросил Александр Христофорович.

– А вот это хороший вопрос, – Никодим задумался. – Значит, в среде старообрядцев тоже есть разные течения. И кто-то из них охотится за этой книгой. И этот кто-то – опасен.

Он снова взял дневник Буслаева и принялся листать его, ища что-то.

– Вот, – сказал он через минуту. – Запись 1812 года, во время нашествия французов. «Москва горит. Я успел вывезти самое ценное. Книга со мной. Но старец И. сказал, что это только начало. Истинное испытание будет позже, когда книга понадобится тем, кто поймет ее значение. Он велел беречь ломбард как знак. Если со мной что случится, ломбард укажет путь к тем, кто хранит предание».

– Старец И.? – переспросил Александр Христофорович. – Кто это?

– Не знаю, – признался Никодим. – Но судя по всему, какой-то старообрядческий наставник. Может быть, даже из знаменитых. В старообрядчестве были свои старцы, пользовавшиеся огромным авторитетом. Если Буслаев был с ними связан, то, возможно, он получал от них какие-то сведения об этой книге.

Он отложил дневник и взял в руки письма, перевязанные ленточкой. Они были старые, пожелтевшие, с выцветшими чернилами. Никодим развязал ленту и начал просматривать их одно за другим.

– Это переписка с разными людьми, – бормотал он. – Вот письмо от московского купца, вот от петербургского букиниста, вот от какого-то священника... А это что?

Он остановился на одном письме, написанном на грубой, сероватой бумаге, явно не фабричного производства. Почерк был старомодный, с титлами и выносными буквами, как в древних рукописях.

– Это письмо от старообрядцев, – сказал Никодим. – Смотрите: «Честному господину Иоанну Гавриловичу о Господе радоватися. Посылаем тебе, по обещанию твоему, сведение о книге, юже взыскуеши. Бысть та книга у нас, у хранителей древнего благочестия, много лет. Еще при благочестивейшей императрице Екатерине Алексеевне принесена к нам от некоего вельможи, иже искал у нас убежища и защиты. Мы же прияли его и книгу ту хранили, яко зеницу ока, понеже разумели в ней силу велию. Но потом, по прошению того вельможи, возвратили ему книгу, егда он отъехал в столицу. А более того не ведаем, где она ныне обретается».

Никодим перечитал письмо дважды, потом поднял глаза на молодого человека.

– Вы понимаете, что это значит? – спросил он тихо. – Книга действительно была у старообрядцев. И попала она к ним от какого-то вельможи еще при Екатерине. Вельможа этот искал у них убежища и защиты. Зачем? Что заставило его бежать к раскольникам?

– Может быть, опала? – предположил Александр Христофорович. – При Екатерине многие попадали в немилость.

– Возможно, – кивнул Никодим. – Но главное другое: старообрядцы вернули ему книгу, когда он уезжал в столицу. Значит, вельможа этот выжил, вернулся и, видимо, владел книгой до самой смерти. А после его смерти книга могла попасть к кому-то другому. Возможно, к тому самому С., который жил в Гатчине.

Он задумался, потом быстро перелистал остальные письма.

– Здесь есть еще одно, от того же корреспондента, – сказал он. – Датировано 1815 годом. «Ведомо нам стало, что книга, о коей ты пытаешь, паки явилась на свет. Некто из наших, бывший в Петербурге, видел ее у одного знатного господина в Гатчине. Но тот господин ныне уже преставился, и книга, сказывают, перешла к его наследникам. А кто те наследники и где ныне книга – не ведаем, ибо след простыл».

– Гатчина! – воскликнул Александр Христофорович. – Опять Гатчина! Значит, книга была там и после смерти Павла. У какого-то знатного господина. Кто бы это мог быть?

Никодим встал и прошелся по келье.

– Нам нужно понять, кто этот вельможа, который в екатерининские времена бежал к старообрядцам. Кто-то из приближенных, попавший в опалу, но потом прощенный. И который после смерти Павла мог жить в Гатчине. Это сужает круг.

– Может быть, граф Разумовский? – предположил молодой человек. – Или граф Орлов? Они были близки к Екатерине, но при Павле попали в немилость.

– Орловы были в фаворе при Екатерине, но при Павле – да, Павел их ненавидел. Алексей Орлов даже уезжал за границу. Но чтобы он скрывался у старообрядцев? Не похоже. Разумовский – тот был скорее ученым, меценатом. Он мог интересоваться книгами, но чтобы бежать к раскольникам? Сомнительно.

Никодим остановился и посмотрел на ломбард, лежащий на столе.

– Знаете, что мне приходит в голову? Этот ломбард – не просто знак общины. Это еще и ключ. Смотрите, как хитро переплетены линии. Если присмотреться, в этом орнаменте можно разглядеть буквы. Вот здесь, видите, завиток похож на «П», а вот этот лист – на «С». Может быть, это инициалы того вельможи?

Александр Христофорович прищурился, пытаясь разглядеть буквы в затейливом рисунке.

– Похоже, – сказал он неуверенно. – Но это может быть просто игрой воображения.

– Нет, – возразил Никодим. – Старообрядцы любили такие шифры. У них были целые азбуки из символов. Я читал об этом в одном исследовании. Если мы разгадаем этот шифр, мы узнаем имя.

Он достал из-под лавки свою записную книжку, где у него были выписки из разных книг, и принялся листать.

– Вот, смотрите, – сказал он, найдя нужную страницу. – Это таблица старообрядческих символов, которую я когда-то составил для Синодального следствия. Здесь каждый завиток, каждая черточка имеют значение. Давайте попробуем.

Они склонились над ломбардом, сличая его с таблицей. Работа была кропотливая, требовавшая огромного внимания, но Никодим чувствовал, что они на верном пути.

Через час, когда за окном уже начало смеркаться, он откинулся на спинку лавки и произнес:

– Получилось. Вот что здесь зашифровано. Центральный элемент – это крест, но не простой, а «лоза», символ Христа. Вокруг него – буквы: «П», «А», «В», «Е», «Л». И число – 1-7-8-7. Павел? Павел Первый? Но при чем здесь год издания книги? Это же год издания Кормчей.

– Может быть, это просто указание на книгу? – предположил Александр Христофорович.

– Возможно, но тогда зачем буквы? «ПАВЕЛ» – это же явно имя. Или фамилия? Павел... Павел Первый. Но он умер в 1801 году. И он был императором, а не вельможей. Хотя... – Никодим задумался. – А что, если книга была у Павла? Что, если именно Павел был тем вельможей, который бежал к старообрядцам? Но это бред. Павел не мог бежать к раскольникам, он был императором.

– Но он не был императором при жизни матери, – возразил молодой человек. – Он был наследником, но в опале. Екатерина держала его в Гатчине, почти как в ссылке. Он мог искать поддержки у кого угодно, даже у старообрядцев, если считал, что они помогут ему в борьбе за власть.

Никодим пораженно посмотрел на него.

– Вы знаете, это мысль. Павел действительно был в оппозиции к матери. Он ненавидел ее фаворитов, ее политику, ее образ жизни. Он мог искать союзников где только можно. А старообрядцы, гонимые официальной церковью, всегда были готовы поддержать любого, кто пообещает им послабления. Но чтобы Павел лично скрывался у них? Это маловероятно. Скорее, он мог через кого-то передать им книгу на хранение. Или кто-то из его приближенных.

– Значит, С. в дневнике Буслаева – это кто-то из гатчинского круга Павла?

– Выходит, так. И этот кто-то умер около 1801 года, возможно, вскоре после смерти самого Павла. Нам нужно узнать, кто из приближенных Павла жил в Гатчине и умер в начале XIX века. И при этом был коллекционером книг.

Александр Христофорович задумался.

– Я могу навести справки, – сказал он. – У генерала Бенкендорфа есть доступ к архивам. Он может узнать, кто проживал в Гатчине в те годы.

– Хорошо, – кивнул Никодим. – А пока я продолжу изучать эти бумаги. Здесь еще многое может открыться.

Он снова взял в руки письмо от старообрядцев и перечитал его внимательно.

– Вот еще одна деталь, – сказал он. – «Иже искал у нас убежища и защиты». Значит, вельможа этот не просто принес книгу, а сам скрывался у них. Может быть, он бежал из Петербурга от какой-то опасности. И старообрядцы его укрыли. А в благодарность он оставил им книгу. Или, может быть, они взяли книгу в залог, а потом вернули.

– Но зачем вельможе оставлять такую ценную книгу у раскольников? – спросил молодой человек.

– Затем, что он понимал: в Петербурге книгу могут найти и уничтожить. А у старообрядцев, в их тайных скитах, она будет в безопасности. Они умеют хранить тайны.

Никодим замолчал, глядя на огонек свечи. В голове его постепенно складывалась картина. Книга с тайными записями императрицы была вынесена из опочивальни после ее смерти. Попала к кому-то из приближенных, возможно, к камер-фрау Перекусихиной. Та передала ее кому-то из доверенных лиц, кто мог ее сохранить. Этим лицом оказался вельможа из окружения Павла (или сам Павел?). Вельможа, опасаясь за свою жизнь или за судьбу книги, бежал к старообрядцам и оставил книгу у них. Позже, когда опасность миновала, он забрал книгу обратно и увез ее в Гатчину. Там она хранилась до его смерти, а потом, возможно, была продана или передана дальше. Буслаев купил ее в 1801 году у наследников этого вельможи. И владел ею до самой своей смерти. Но где же она сейчас?

– Нам нужно ехать в Гатчину, – сказал он решительно. – Там, в архивах или у потомков тех людей, можно найти следы. Может быть, сохранились описи имущества, завещания, письма. Что-то, что укажет на судьбу книги после 1801 года.

– Но как мы туда попадем? – спросил Александр Христофорович. – Гатчина – это императорская резиденция. Сейчас там, кажется, никто не живет, но все равно доступ туда ограничен.

– У вас есть бумага Бенкендорфа, – напомнил Никодим. – С ней можно многое. К тому же, если книга связана с Павлом, то гатчинские архивы должны хранить какие-то сведения. Надо просить генерала о содействии.

Молодой человек кивнул.

– Я передам. Но что нам делать сейчас?

– Сейчас, – Никодим посмотрел на догорающую свечу, – сейчас мы должны позаботиться о вашей безопасности. Вы приехали один? Вас не могли выследить?

– Я взял с собой двух надежных людей, они ждут в деревне. Мы ехали окольными путями, заматали следы. Думаю, за мной не следили.

– Дай Бог, – вздохнул Никодим. – Но Алексей, тот послушник, что пострадал за меня, еще без сознания. Если убийцы узнают, что вы здесь, они могут напасть снова. Вам надо уезжать сейчас же, пока не стемнело окончательно. А мне – готовиться к отъезду. Как только получите разрешение на въезд в Гатчину, дайте знать. Я выеду немедленно.

Александр Христофорович собрал бумаги, уложил их обратно в сумку, но Никодим остановил его:

– Дневник и письма оставьте мне. Я должен изучить их подробнее. И эту шкатулку с ломбардом. Она может пригодиться.

Молодой человек колебался, но потом кивнул:

– Хорошо. Генерал велел мне выполнять все ваши указания. Я оставлю. Но берегите их, отец Никодим. Это единственные улики.

– Я знаю, – сказал Никодим. – Ступайте. И будьте осторожны.

Когда шаги затихли, он подошел к окну и долго смотрел в темноту, пытаясь разглядеть, не мелькнет ли где тень. Но метель начиналась снова, залепляя окно снегом, и видно ничего не было.

Он вернулся к столу, зажег новую свечу и снова разложил перед собой дневник Буслаева. Теперь, когда он знал, что искать, многие записи обретали новый смысл. Он листал страницу за страницей, делая выписки, сопоставляя даты и имена.

К полуночи перед ним лежал лист бумаги, исписанный его мелким почерком. На нем была выстроена хронология событий:

1796, ноябрь – смерть Екатерины. Книга исчезает из опочивальни.

1796—1797 – книга находится у некоего С. в Гатчине.

1797? – С. (или владелец книги) бежит к старообрядцам, оставляет книгу у них.

1799—1800 – владелец забирает книгу обратно, возвращается в Гатчину.

1801 – смерть Павла I. Смерть С.? Наследники продают книгу Буслаеву.

1801—1825 – книга у Буслаева. Он пытается расшифровать пометы императрицы, обращается к старообрядцам за помощью.

Декабрь 1825 – убийство Буслаева. Книга исчезает.

Никодим откинулся на спинку лавки. В этой хронологии не хватало многих звеньев. Кто такой С.? Где именно жил этот вельможа в Гатчине? Кому он передал книгу перед смертью, если не продал ее Буслаеву? И почему Буслаев был убит именно сейчас, спустя двадцать четыре года после того, как приобрел книгу?

Что-то произошло в последнее время. Что-то заставило убийцу искать книгу именно сейчас. Может быть, Буслаев сам вышел на кого-то, кто тоже охотился за ней? Или в его дневнике были сведения, которые стали опасны для кого-то?

Никодим взял письмо от старообрядцев и перечитал последние строки: «А более того не ведаем, где она ныне обретается». Значит, старообрядцы не знали, что книга у Буслаева. Или делали вид, что не знают. Но в 1815 году они сообщают, что книга «паки явилась на свет» и была у какого-то знатного господина в Гатчине. Но Буслаев купил ее в 1801 году. Почему же они пишут о 1815 годе? Может быть, они имели в виду другое? Или в 1815 году книга снова сменила владельца?

Он листал дневник дальше и наткнулся на запись, датированную 1816 годом: «Получил известие от старообрядцев. Они утверждают, что книга, которую я купил у наследников С., – не та, что была у них на хранении. Та, что была у них, имела особый знак на переплете – вензель императрицы, вытисненный золотом. На моей книге такого вензеля нет. Значит, либо они ошибаются, либо я купил не тот экземпляр. Но тогда где же настоящий?»

Никодим почувствовал, как холодок пробежал по спине. Значит, книга, которую Буслаев приобрел в 1801 году, могла быть не той самой, с пометами Екатерины! Может быть, это был другой экземпляр, похожий, но без тайных записей. А настоящая книга так и осталась у старообрядцев или у того вельможи, который ее им передал.

Но тогда где же она сейчас? И что искал убийца в доме Буслаева? Может быть, он тоже думал, что книга у Буслаева, и ошибся. Но тогда зачем было убивать?

Вопросы множились, ответов не было. Никодим чувствовал, что запутывается все больше. Нужны были новые факты, новые свидетельства. И главное – нужно было ехать в Гатчину.

Он взглянул на ломбард, лежащий на столе. В тусклом свете свечи переплетения линий казались живыми, они шевелились, дышали, храня в себе древнюю тайну. Тайну, за которую уже пролилась кровь.

Никодим перекрестился и начал молиться. Завтра предстоял трудный день. А может быть, и ночь.

— —

Утром, едва рассвело, пришел монах от отца Фотия. Настоятель звал к себе. Никодим собрал бумаги, спрятал их за образ, и пошел.

Фотий сидел в тех же покоях, пил чай с медом. Увидев Никодима, он указал ему на стул.

– Садись. Гость твой вчерашний уехал? – спросил он без предисловий.

– Уехал, отче.

– Хорошо. А то мне донесли, что ночью у монастыря опять кто-то бродил. Двое. Смотрели на твои окна. Я велел сторожам усилить дозор.

Никодим насторожился.

– Кто бы это мог быть?

– Не знаю. Не наши. Чужие. Может, те, что Алексия покалечили. Ты будь осторожен, Никодим. Я не знаю, в какое дело ты впутался, но оно пахнет кровью.

– Знаю, отче. Но я не могу отступить. Человек убит, и я должен найти истину.

Фотий покачал головой.

– Истина у Бога. А на земле – только правда людская, кривая да лживая. Смотри, как бы тебе самому не погибнуть за эту правду.

– Бог не выдаст, – усмехнулся Никодим. – Свинья не съест.

– Не кошунствуй, – строго сказал Фотий. – Ладно, ступай. И помни: я тебя не держу. Бумага от Бенкендорфа у тебя есть. Можешь ехать хоть сейчас. Но назад, если выживешь, возвращайся. Здесь твое место.

Никодим поклонился и вышел. На душе было тревожно. Значит, за ним следят. И не просто следят, а подходят к самому монастырю. Это значило, что убийцы знают о его связи со следствием. И что они не остановятся ни перед чем, чтобы помешать.

Он вернулся в келью, достал бумаги и снова погрузился в их изучение. Нужно было спешить. В любой момент могли прийти.

Часа через два, когда он уже почти закончил выписки из дневника Буслаева, в дверь постучали. Никодим вздрогнул, быстро спрятал бумаги под рясу и открыл.

На пороге стоял молодой послушник, которого он видел впервые.

– Вас там спрашивают, – сказал послушник. – У ворот. Человек какой-то, говорит, от того барина, что вчера приезжал. Просит выйти.

Никодим нахлобучил шапку, накинул шубейку и пошел к воротам. Сердце колотилось. Что еще случилось?

У ворот стоял мужик в тулупе, с обветренным лицом. При виде Никодима он снял шапку и поклонился.

– Барин велел передать, – сказал он, протягивая запечатанный конверт. – Срочно, говорит.

Никодим разорвал конверт. Внутри была записка от Александра Христофоровича, написанная второпях:

«Отец Никодим! Генерал Бенкендорф дал добро на поездку в Гатчину. Завтра утром за вами приедет экипаж. Будьте готовы. Также нашел сведения о С. Это граф С. – Сергей Румянцев? Или Строганов? Уточню. Ждите. Ваш А. Х.»

Никодим спрятал записку и кивнул посыльному:

– Передай: жду.

Мужик уехал, а Никодим вернулся в келью. Осталось продержаться одну ночь. Одну ночь, за которой, возможно, последуют ответы.

Но ночь эта оказалась долгой и тревожной. Он не ложился, сидел у окна, вглядываясь в темноту. Где-то за стенами выли волки – или это казалось? В полночь ему почудились шаги под окном, но когда он выглянул, никого не было. Только снег, да луна, выглянувшая из-за туч, освещала пустой двор.

Под утро он задремал, сидя на лавке, и проснулся от громкого стука в дверь. За окном уже светало.

– Открывайте! – раздался голос Александра Христофоровича. – Едем!

Никодим отпер дверь. Молодой человек стоял на пороге, раскрасневшийся от мороза, за его спиной виднелись двое дюжих молодцев в тулупах.

– Собирайтесь, – сказал он. – Экипаж у ворот. Пока не рассвело окончательно, надо уехать незаметно.

Никодим схватил узелок с вещами, бумаги, ломбард – и через минуту они уже шли по монастырскому двору к воротам. У ворот стояли сани, запряженные парой лошадей. В санях сидел еще один человек – видимо, охрана.

– Садитесь, – сказал Александр Христофорович. – Поехали.

Сани тронулись, взвизгнув полозьями по снегу. Монастырь остался позади, скрываясь в утреннем тумане. Никодим обернулся и перекрестился на золотые купола, едва видневшиеся в белой мгле.

– Куда теперь? – спросил он.

– В Гатчину, – ответил молодой человек. – Генерал Бенкендорф уже отдал распоряжения. Нас ждут.

– А что за С.? Вы узнали?

– Узнал, – Александр Христофорович понизил голос, хотя в санях, кроме них, никого не было – возница сидел впереди и не мог слышать. – Это граф Строганов. Александр Сергеевич Строганов., что был президентом Академии художеств. Он жил в Гатчине при Павле. И умер в 1811 году. Как раз около того времени, о котором пишет Буслаев.

– Строганов, – задумчиво повторил Никодим. – Знаменитый коллекционер. У него была огромная библиотека. И он был близок ко двору. Но почему он оказался в Гатчине? И при чем тут старообрядцы?

– Этого я не знаю, – признался молодой человек. – Но в Гатчине, в его бывшем доме, сейчас живут какие-то дальние родственники. Может быть, они что-то знают.

Сани мчались по заснеженной дороге, увозя их все дальше от монастыря. Впереди была Гатчина, а в ней – ключ к разгадке. Или новая смерть.

Никодим плотнее запахнул шубу и закрыл глаза. Слишком много событий за последние дни. Слишком много крови. Но отступать было нельзя. Тайна «Тридцать шестой буквы» звала его вперед, в самое сердце империи.

ГЛАВА 3. Гатчинский призрак

Гатчина, декабрь 1825 года

Дорога от Новгорода до Гатчины заняла почти два дня. Ехали с остановками, ночуя на почтовых станциях, где Никодим, привыкший к монастырскому затвору, с трудом привыкал к шуму, чаду и запаху кислых щей, витавшему в ямских избах. Александр Христофорович (который наконец представился полностью – Александр Христофорович Бенкендорф, однофамилец генерала, но не родственник, как поспешил уточнить) оказался заботливым спутником. Он добывал лучшие места, платил за двоих и вообще вёл себя так, словно Никодим был не ссыльным монахом, а важным чиновником в отставке.

На второй день к вечеру впереди замаячили тёмные массивы парков и дворцовые шпили. Гатчина открылась перед ними внезапно – огромный замок с зубчатыми стенами, похожий скорее на средневековую крепость, чем на императорскую резиденцию. В сгущающихся сумерках он казался чёрным, угрюмым, нависающим над заснеженными полями, как страж, охраняющий страшную тайну.

– Красиво, но жутковато, – заметил Александр Христофорович, кутаясь в шубу. – Говорят, здесь до сих пор призраки бродят. Павел Петрович любил всякую мистику.

– Призраки – это для легковерных, – отозвался Никодим. – А вот тайны здесь действительно должны быть. Павел жил здесь одиннадцать лет, почти в заточении, пока мать не пустила его в столицу. За это время он мог собрать всё, что ненавидел, и спрятать всё, что любил.

– Вы думаете, книга могла быть здесь?

– Если она была у Строганова, а Строганов жил здесь, то да. Но Строганов умер в 1811 году. За четырнадцать лет многое могло случиться. Надо искать следы.

Они въехали в городок, раскинувшийся у стен дворца. Небольшие домики, утопающие в снегу, редкие фонари, кое-где тявкали собаки. На улицах было пусто – мороз загнал всех по домам.

– Нам в полицейское управление, – сказал Александр Христофорович. – У меня предписание от генерала. Нас должны устроить и дать доступ к архивам.

Полицейское управление оказалось небольшим деревянным домом с вывеской. Пристав, пожилой уже человек с усами и подозрительным взглядом, долго изучал бумаги Бенкендорфа, потом козырнул и отрапортовал, что готов оказать всяческое содействие.

– А кем вы будете? – спросил он, глядя на Никодима, одетого в подрясник поверх тёплой одежды.

– Мой помощник, – быстро сказал Александр Христофорович. – Отец Никодим. Он знаток старых книг, нам нужен его совет.

– Книг? – удивился пристав. – А что, у нас в Гатчине книг много. Во дворце библиотека огромная. Но туда без особого разрешения не пускают.

– Нам нужно не во дворец, – вмешался Никодим. – Нам нужен дом графа Строганова, где он жил при Павле Петровиче. И вообще любые сведения о людях, которые жили здесь в то время и могли иметь отношение к книгам.

Пристав почесал затылок.

– Строганов? Это который Академией заправлял? Да, был такой. Дом его сохранился, на Большой улице. Там сейчас живут какие-то его дальние родственники, кажется, племянники или внучатые. Старые уже, редко выходят. Но к ним можно сходить.

– Завтра ходим, – решил Александр Христофорович. – А сегодня нам бы переночевать где.

– У меня в управлении есть комнатка для приезжих, – предложил пристав. – Не роскошно, но чисто. И тепло.

Они согласились. После ужина (солдатская каша с мясом и горячий чай) Никодим сидел у окна и смотрел на тёмный массив дворца, видневшийся вдаль. Луна взошла, и зубчатые стены отбрасывали длинные тени на снег.

– О чём думаете? – спросил Александр Христофорович, подсаживаясь к нему.

– О том, что Павел был странный человек, – ответил Никодим. – Я много читал о нём. Он ненавидел мать, но при этом боготворил своего отца, Петра Третьего, которого она свергла и, возможно, убила. Он ненавидел её порядки, её фаворитов, её политику. И он ненавидел всё, что было с ней связано. Если бы он нашёл книгу с её пометами, он бы, скорее всего, уничтожил её. Сжёт бы, не глядя.

– Но книга не уничтожена, – возразил молодой человек. – Буслаев держал её в руках.

– Значит, она не попала к Павлу. Или попала, но он почему-то её сохранил. Может быть, он даже не знал, что в ней. А может быть, знал и использовал для своих целей.

Никодим замолчал, потом добавил:

– Мне приходит в голову одна мысль. Павел был очень религиозен, даже набожен. В Гатчине у него был духовник, отец... забыл имя. Кажется, Грубер или что-то в этом роде. Если Павел и мог кому-то доверить такую книгу, то только духовнику. Священнику, который мог бы оценить её содержание и, если нужно, сохранить в тайне.

– Думаете, книга могла быть у духовника Павла?

– Возможно. Духовники часто становятся хранителями тайн своих духовных чад. А Павел, человек мнительный и подозрительный, вряд ли кому-то ещё доверял.

– Надо узнать, кто был духовником Павла в гатчинский период, – сказал Александр Христофорович. – Завтра же и спросим.

Ночь прошла спокойно. Никодим спал плохо, всё время просыпался от непривычной тишины – после монастырского колокольного звона и завывания ветра здесь было слишком тихо. Под утро он задремал и проснулся от стука в дверь – Александр Христофорович уже был на ногах и звал завтракать.

После завтрака они отправились на Большую улицу. Дом Строгановых оказался двухэтажным особняком с мезонином, обнесённым чугунной оградой. Калитка была заперта, но на стук вышел старый слуга в тулупе и, узнав, что пришли с полицейским предписанием, проводил в дом.

Внутри пахло нафталином и старостью. Хозяева, пожилая чета, встретили гостей настороженно. Их звали Пётр Иванович и Анна Львовна, они действительно приходились дальними родственниками знаменитому графу и после его смерти унаследовали этот дом вместе с частью имущества.

– Граф Александр Сергеевич был большой любитель книг, – говорил Пётр Иванович, сухонький старичок с трясущейся головой. – У него была огромная библиотека. Но после его смерти большую часть книг разобрали наследники, кое-что продали. Что осталось – вот здесь, в шкафах.

Он провёл их в комнату, где вдоль стен стояли высокие дубовые шкафы с книгами. Никодим оглядел корешки – в основном французские издания XVIII века, энциклопедии, художественная литература. Русских книг было мало.

– А церковные книги у графа были? – спросил он. – Кормчие, Четьи-Минеи, что-нибудь такое?

– Были, были, – закивал старик. – Граф был человек благочестивый. Но те книги, кажется, в другие руки ушли. Приезжал какой-то покупатель из Петербурга, лет двадцать назад, многое скупил.

– Из Петербурга? – насторожился Никодим. – Не знаете, кто именно?

– Фамилию не упомяну, – старик наморщил лоб. – Но, кажется, на «Б» начиналась. Бус... Буслаев? Да, точно, Буслаев. Он ещё говорил, что собирает старинные русские книги.

Никодим и Александр Христофорович переглянулись. Снова Буслаев. Значит, он действительно купил книгу у наследников Строганова. Но ту ли? Или какую-то другую?

– А не припомните, – осторожно спросил Никодим, – была ли среди тех книг Кормчая, в двух частях, издание 1787 года, в одном переплёте?

Старик задумался, потом нерешительно сказал:

– Была, кажется. Я помню, граф очень её ценил. Говорил, что это особый экземпляр, с какими-то пометками. Но он её никому не показывал, держал в отдельном шкафу, под замком. А после его смерти мы нашли этот экземпляр и продали Буслаеву вместе с другими.

– Пометки? – переспросил Никодим, стараясь не выдать волнения. – А что за пометки?

– Не знаю, не видел. Граф говорил, что это записи на полях, сделанные какой-то важной особой. Но мы не придали значения. Буслаеву было интересно, он и купил.

– А больше ничего не помните? Может быть, граф рассказывал, откуда у него эта книга?

Старик снова задумался, потом вдруг оживился:

– Ах, да! Было что-то... Граф говорил, что книга эта досталась ему от одного человека, который жил здесь, в Гатчине, при Павле Петровиче. Какой-то священник, кажется. Граф его духовником называл. Но я точно не помню, старый стал, память дырявая.

– Священник? – Никодим почувствовал, как сердце забилось быстрее. – Не помните, как его звали?

– Нет, батюшка, не помню. Но, может быть, в бумагах графа что-то сохранилось? У нас есть старый архив, не разобранный. Если хотите, посмотрите.

Они, конечно, захотели. Старик провёл их в кабинет на втором этаже, где в углу стоял огромный сундук, окованный железом. В нём, по словам хозяина, хранились письма, счета и прочие документы покойного графа.

– Смотрите, – сказал Пётр Иванович. – А мы пойдём, не будем мешать.

Когда они остались одни, Александр Христофорович с сомнением посмотрел на сундук, доверху набитый бумагами.

– Это же на неделю работы, – сказал он.

– Нам не неделя, нам одно имя нужно, – ответил Никодим. – Ищем любые упоминания о духовнике Павла или о книге.

Они погрузились в бумаги. Это было утомительное занятие – перебирать пожелтевшие листы, счета за провизию, письма от знакомых, черновики прошений. Но Никодим работал быстро, натренированным взглядом выхватывая нужное.

Через два часа, когда уже начало темнеть, он наткнулся на письмо, датированное 1800 годом. Письмо было адресовано графу Строганову и подписано: «Ваш покорный слуга, протоиерей Иоанн Григорьевич».

– Смотрите, – сказал Никодим, протягивая письмо спутнику. – Это от священника. И вот что он пишет: «По просьбе вашего сиятельства, препровождаю вам книгу, о коей вы изволили спрашивать. Сия книга была вручена мне покойным государем императором Павлом Петровичем для хранения, яко содержащая в себе нечто, могущее принести пользу душевную и госу-

дарственную. Ныне же, по кончине его величества, я, по слабости здоровья и старости лет, не могу более хранить её в надёжном месте, а посему передаю её вам, яко человеку просвещенному и богобоязненному. Будите ей хранитель до времени, когда Господь укажет, кому она должна быть передана».

Никодим перечитал письмо несколько раз.

– Вот оно, – сказал он тихо. – Книга была у Павла. И он отдал её своему духовнику. А духовник, после смерти Павла, передал её Строганову. И уже Строганов, в свою очередь, хранил её до самой смерти. А потом её купил Буслаев.

– Но где же она сейчас? – спросил Александр Христофорович. – Если Буслаев купил её у Строгановых, то после его смерти она должна была быть в его коллекции. Но её там нет.

– Значит, либо Буслаев её куда-то спрятал, либо продал, либо у него её украли ещё до убийства. Или... – Никодим замолчал, обдумывая мысль. – Или он купил не тот экземпляр. Помните, в дневнике он сомневался, та ли это книга? Может быть, настоящая книга с пометами Екатерины так и осталась у духовника или у Павла, а Строганову досталась копия или другой экземпляр?

– Тогда где же настоящая?

– Надо искать духовника. Кто он, этот Иоанн Григорьевич? Где он жил, где умер, кому передал свои бумаги?

Они продолжили рыться в сундуке, но больше ничего существенного не нашли. Было уже совсем темно, когда они вышли из дома Строгановых. На улице мороз усилился, луна висела высоко в небе, освещая пустынную улицу.

– Надо найти этого Иоанна Григорьевича, – сказал Никодим. – Идём к приставу, пусть даст списки священников, служивших в Гатчине при Павле.

Пристав, к счастью, оказался на месте. Он выслушал их, почесал затылок и сказал:

– Духовник Павла Петровича? Это был отец Иоанн Григорьевич Леванда. Известный человек, очень известный. Он после смерти Павла переехал в Петербург, служил в Казанском соборе, кажется. Или в Исаакиевском? Не помню точно. Умер он в двадцатых годах, не так давно. Может быть, в церковных книгах есть записи.

– Леванда? – переспросил Никодим. – Это имя мне знакомо. Кажется, я слышал о нём. Он был известным проповедником.

– Точно, – подтвердил пристав. – Проповедник знаменитый. Сам митрополит его ценил. А в Гатчине он служил много лет, ещё при Павле.

– А где он жил в Гатчине? – спросил Александр Христофорович. – Может быть, сохранился его дом?

– Дом? – пристав задумался. – Был дом, на Малой улице, недалеко от дворца. Но после его смерти дом, кажется, продали. Там теперь живут какие-то мещане. Можете сходить, спросить.

– Сходим, – решил Никодим. – Завтра же.

Но ночью случилось неожиданное. Никодим проснулся от какого-то шума. Кто-то ходил под окнами, скрипел снег. Он осторожно подошёл к окну и выглянул. Луна светила ярко, и он увидел фигуру, стоявшую у забора. Человек в тёмном тулупе, с надвинутым на лицо капюшон, смотрел прямо на его окно.

Никодим отшатнулся. Человек постоял ещё минуту, потом повернулся и быстро пошёл прочь, скрывшись за углом.

– Кто там? – спросил Александр Христофорович, тоже проснувшийся от движения.

– Не знаю, – ответил Никодим. – Но за нами следят. Или за мной. Тот же, кто напал на Алексея.

– Надо быть осторожнее, – сказал молодой человек. – Может быть, нам не ходить к дому Леванды? Вызовем сюда его нынешних жильцов.

– Нет, – возразил Никодим. – Если за нами следят, то и к ним придут. Надо спешить.

Утром, едва рассвело, они отправились на Малую улицу. Дом отца Иоанна оказался небольшим, деревянным, с резными наличниками. Теперь здесь жила семья мещанина Кузьмина, торговавшего в Гатчине скобяным товаром.

Кузьмин, грузный мужик с окладистой бородой, встретил их настороженно, но, узнав, что они от полиции, впустил в дом.

– Дом этот мы купили лет пять назад, – рассказывал он. – У наследников отца Иоанна. Они всё продали и уехали в Петербург. Что в доме было – забрали, конечно. Нам только мебель кое-какую оставили да старые книги.

– Книги? – оживился Никодим. – А где они?

– Да в чулане валяются, – махнул рукой Кузьмин. – Никому не нужны. Старые, церковные. Я хотел было печку топить, да рука не поднялась. Всё-таки батюшкины.

– Покажите, – попросил Никодим.

Кузьмин провёл их в чулан, где действительно грудой лежали старые книги в потёртых переплётах. Никодим опустился на колени и начал перебирать их. Часословы, псалтири, несколько житий святых – ничего особенного. Но вдруг его рука наткнулась на небольшую тетрадь в кожаном переплёте, перевязанную тесёмкой.

– Что это? – пробормотал он, развязывая тесёмку.

Тетрадь оказалась дневником. Почерк был мелкий, убористый, но разборчивый. На первой странице стояла дата: «1796 год, ноября 12 дня».

– Это дневник отца Иоанна, – сказал Никодим, чувствуя, как дрожат руки. – Кажется, я нашёл то, что мы искали.

Он открыл тетрадь и начал читать вслух:

«Сего дня, в день кончины благочестивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны, его величество государь Павел Петрович пребывал в великой печали и гнев. Призвал меня к себе и велел исповедовать. На исповеди открыл мне, что ненавидит память матери своей, но боится гнева Божия за сию ненависть. Потом показал мне книгу, которую нашли в опочивальне покойной императрицы – Кормчую книгу, издания 1787 года. На полях её, говорит, есть записи, сделанные рукой матери, содержащие мысли, опасные для государства. Хотел было сжечь, но рука не поднялась, ибо на книге той образ Спаса. Велел мне хранить книгу у себя, дабы я, яко духовник, рассудил, что с ней делать».

– Это оно! – воскликнул Александр Христофорович. – Павел действительно отдал книгу духовнику!

– Тише, – остановил его Никодим. – Читаем дальше.

«Я взял книгу, но не знал, что с ней делать. Записи императрицы были сделаны симпатическими чернилами, кои проступают при нагревании. Я пробовал нагреть листы у свечи – и ужаснулся. Там писано такое, о чём и думать страшно. Императрица предлагает ограничить самодержавие, дать вольность крестьянам, судить вельмож наравне с простыми. Мысли сии крамольные, но в них есть и правда великая. Я не решился ни сжечь книгу, ни показать государю. Спрятал в тайник в своём доме».

– Значит, книга была у него, – прошептал Никодим. – В этом самом доме.

Он перелистнул несколько страниц.

«1801 год, марта 12. Ужасное известие. Государь убит. Господи, упокой его душу, а убийцам не дай прощения. В суматохе многие ищут бумаги покойного. Боюсь, что могут найти и книгу. Надо передать её кому-то надёжному. Граф Строганов, кажется, человек честный и богобоязненный. Поеду к нему».

Дальше шли записи о передаче книги Строганову, о том, как граф обещал хранить её до времени, и о том, что отец Иоанн чувствует облегчение, что снял с себя такую тяжёлую ношу.

– Вот и вся история, – сказал Никодим, закрывая тетрадь. – Книга была у духовника, потом у Строганова, потом у Буслаева. А где она сейчас – неизвестно.

– Но может быть, в этом дневнике есть указание, куда Буслаев мог её спрятать? – спросил Александр Христофорович.

– Вряд ли. Дневник заканчивается 1811 годом. А Буслаев купил книгу позже. Но есть ещё одна зацепка.

Никодим перелистнул несколько страниц назад и ткнул пальцем в запись:

«1797 год, января 10. Сегодня государь спросил меня, не нашёл ли я в книге что-то, что можно было бы использовать против матери. Я ответил, что ничего не нашёл. Государь рассердился и сказал, что если я лгу, то проклянёт меня. Я промолчал. Потом он сказал странную вещь: „А если она написала что-то важное, то это должно быть там, где тридцать пять букв. Она любила числа“. Я не понял, что это значит, и не стал спрашивать».

– Тридцать пять букв, – повторил Никодим. – Снова это число. Что оно значит?

– Может быть, страница 35? – предположил Александр Христофорович.

– Или глава 35. Или что-то связанное с алфавитом. В русском алфавите 35 букв. Может быть, это шифр – каждая буква имеет своё число, и из них складываются слова?

Никодим задумался, потом спрятал дневник за пазуху.

– Надо ехать в Петербург. Там, в архивах, может быть, есть ключ к этому шифру. И надо найти, где жил Буслаев, обыскать его дом ещё раз, может быть, там есть другие тайники.

– А как же Гатчина? – спросил молодой человек. – Мы здесь всё нашли?

– Всё, что могли. Теперь мы знаем, что книга была у Павла, у духовника, у Строганова, у Буслаева. Цепочка прослежена. Осталось понять, где она сейчас. И кто её ищет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.